

Опубликовано в: «Бренное и Вечное: образы мифа в пространствах современного мира»/ Материалы всероссийской научной конференции. Великий Новгород : НовГУ, 2004. - С.175-183

Ремифологизация времени и вечности в современной культуре: симулякры вечности и конструирование «реального времени»

Одной из ключевых культурных катастроф в XX в. является разрушение «структур Вечного» как следствие кризиса классической европейской метафизики. В этой ситуации актуализируется бинарная оппозиция «время и вечность», или иначе – время «само по себе», темпоральный поток, и Время Собранное, выраженное в образе «океана Вечности». И если на заре создания европейской метафизики время определялось как «подвижный образ вечности», то теперь вечность лишь надстраивается над временем как его предикат. Ситуация «смерти бога» и разрушения структур вечности создает необходимость выхода из бытия-вечности во время-как-историю. Но остается также желание прежней власти над реальностью и возможностью ее (ре)конструирования. Такими орудиями власти в социокультурном конструировании выступают *модели времени* и *модель вечности*, доминирующие в данной культуре.

Упорядочивание накопленного времени, или организация времени в культуре и культуры во времени (истории), происходит с помощью моделей времени, т.е. культурогенного конструирования темпоральных процессов. **Модели времени** – наиболее общие представления о времени и истории, служащие формами его организации в культуре. Модели времени берут свое начало в конфликте человека со временем как неподвластным «чужим» (имеющим некий нередуцируемый остаток, не поддающимся упорядочиванию).

Доминирующая в современной культуре модель времени – концепция «темпоральности», генерированная из образа времени-потока в исследованиях развивающихся систем¹. В концепции темпоральности время «само по себе» есть самоорганизующийся процесс, не нуждающийся для своего упорядочивания в посредничестве такой составляющей, как модель вечности, которая традиционно выполняет функции *референтной области* и *оператора культурных процессов*. Время рассматривается как процессуальность, последовательность изменений, выраженная в последовательности событий: «Мы воспринимаем не время, а процессы, изменения, последовательности... Итак, реальностью, лежащей в основе такой абстракции как время, является последовательность упорядоченных событий, которая не поддается изменению»². Предполагается, что темпоральность есть некий экстракт времени, его конституэнт. Безличная и бессобытийная «чистая временность», которую ищут в рамках концепции темпоральности, становится квинтэссенцией времени. Таким образом, понятие темпоральности, образованное первоначально как прикладное, получает статус междисциплинарного критерия, а выражение «темпоральность человеческого бытия» в гуманитарной среде стало почти заклинанием, с помощью которого исследователи надеются переделать старую метафизическую и антропологическую картину в киноленту, «темпорализуя» ее, вводя «динамичный аспект».

Иначе говоря, с понятием темпоральности связана надежда на решение проблемы нового фундамента для сочетания времени и вечности в ситуации разрушения структур вечного. Темпоральность призвана выполнять функции временного потока, имеющего статус *regretuum mobile*, или статус Вечного. Не удивительно, что концепция темпоральности и разрабатываемый в ее рамках категориальный аппарат были взяты на вооружение современной идеологией.

Вечность в системе культуры выполняет функции посредника при организации времени, выступая культурным оператором интеграции процессов повседневности и истории в целом. Поэтому структура любой модели вечности необходимым образом строится на представлениях о времени в данной культуре.

Рождение идеи вечности в качестве самостоятельного и конститутивного элемента культуры происходит как постепенный процесс обретения временем независимости от мифологического синкретизма, где сакральное Время представляет собой и функционирует в родовом сообществе как Вечное: «Поскольку время есть родовое понятие, постольку оно трактуется как предел всякого становления, т.е. как вечность»³. Соположение «мира вещей» и «мира идей» у Платона создает предпосылки для дальнейшего проведения параллелей Времени и Вечности, где последняя выступает как *референтная область* культуры, область способов организации времени. Идея «Золотого Века», или мифологического «резерва» времен, постепенно начинает сливаться с идеей вневременного, или Вечности. Таким образом, можно утверждать, что в качестве *вечности* формируется и выступает некое изначальное мифологическое *время*.

Модель вечности как конститутивный элемент культуры представляет собой сложноорганизованную систему исторически сложившихся в данной культуре представлений о времени, загробной жизни; понятийных комплексов, отражающих социальную структуру через систему мифологических и\или философских категорий, с помощью которой та или иная общность (от локальной культурно-исторической общности до человечества в целом) организует свой исторический горизонт для данных социально-исторических условий: свое историческое наследие в отношении прошлого (предков), свои задачи в отношении будущего (потомков), свое положение в настоящем. Наиболее распространенные модели времени служат основой моделей вечности, что позволяет говорить о *моделировании вечности* как о *топологии времени*, точнее, топологии Времени Сбранного.

Модель вечности как структурный элемент культуры постепенно вырастает из комплекса мифологических представлений на ранних этапах развития общества, проходит стадию формирования трансцендентальной области в период расцвета культуры, что сопровождается дистанцированием общественных институтов от непосредственного влияния религиозно-мифологического комплекса и усложнением социальной дифференциации. Постепенное выделение модели вечности в системе культуры с помощью философской рефлексии выявляет самостоятельную структуру, доступную философскому анализу. Вместе с тем это означает конец эффективного функционирования Вечности как модели организации времени в культуре.

Кризис модели вечности означает, что данная модель вечности не продуктивна. Она уже не функционирует в культуре как порождающая структура

и референтная область; не репрезентирует адекватно цели данной культурно-исторической общности, не является референтной областью и для исторического процесса). Элементы, составляющие структуру модели вечности, разрушаются и деконструируются; перестают работать системы – гносеологические, онтологические, социально-политические, – построенные на основе старого иерархического комплекса. Происходит смена научных парадигм, пересмотр ценностей и категорий, принципов политики, экономики и т.д.

Решающие изменения происходят также и с комплексом представлений о смерти, традиционно укорененном в структуре вечности: теперь, когда организующей моделью становится темпоральность⁴, смерть рассматривается в ее контексте⁵ и больше не коренится в стабильности референтной области вечности. Появляется неопределенность отношения ко времени, особенно к далекому будущему и мифическому прошлому. Жизнь отдельного субъекта организуется в соответствии с референтной областью, которой теперь становится все, что угодно: альтернативные культуры и религиозные культы, секты, культ науки, гедонистический принцип жизни, обновление древних традиций в соответствии с духом времени или конъюнктурой эпохи, или цинизм, ставший методологией современного социокультурного и политического моделирования⁶.

Между тем потребность в организации времени в культуре необходимо носит социальный характер. Первым решением проблемы организации времени и первой же ее моделью становится *ритуал*. Связанный с воплощением мифологического комплекса, содержащего полноту опыта *сакрального* как *утраченного*, ритуал выполняет важнейшую функцию обретения «полноты времени».

Позже синхронизация как сопряжение времен проводится с помощью модели вечности классической европейской метафизики, где вечность представляет собой сверхвременное интеллигибельное пространство. В *бескачественности* этой абстракции синтезируется бесконечное *количество* конкретного (исторического). При этом конкретное, временное, неизбежно понимается как второстепенное качество. Абстрактное пространство Вечного является доминирующей организацией времени для европейской культуры, и, в отличие от ритуала, здесь происходит замещение полноты времени экстрактом времени (в виде вневременных трансцендентальных структур). Абстрактное пространство изменяет модус синхронизации на синтез: прошлое-настоящее-будущее *синтезируются* знаком равенства. Проблема синхронизации времен, таким образом, решается редукцией времени до статуса «темпорального аспекта бытия».

Состояние *полноты времени*, или полноты времен⁷, есть, собственно, цель любой модели организации времени, помещаемая либо в пределах истории, либо за ее пределы. «Полнота времен» мыслится как изначальное синкретическое состояние человечества в целом (и индивида в отдельности) и представлена либо как сакральное время мифа, или *вневременность*, либо как *одновременность*, существующая в слове-акте Бога. В противоположность утраченному (или, как неоднократно демонстрирует Ж. Деррида, первично замещенному и до замещения не существующему)⁸ сакральному времени появляется профанное время, воспринимаемое в целом как *неодновременность* человеческого существования, что и служит основным импульсом синхронизации времени (истории).

Мифологические представления, действующие в жизни современного человека, построены на *игнорировании* времени как разворачивающегося процесса неодновременности, или, что то же самое, на стремлении к мифологической «полноте времен» как начальном и ожидаемом в конце истории состоянии человечества, на финальном *совпадении неодновременного*. В дохристианских культурах цикличность исторического процесса переживалась как *естественная полнота времени*, а идея «вечного возвращения» была способом сохранения этой полноты.

В современной социокультурной ситуации, которая складывается в том числе из последствий ряда религиозных кризисов в XX в., мы имеем дело с ремифологизацией времени и вечности, основанной на редуцировании сложной *синхронизации* временных ритмов к их простому собиранию – *синтезу*. При этом фундаментом новой организации служит уже не столько циклическая модель, сколько концепция темпоральности, растворяющая в себе все известные модели времени. Вечность замещается созданием тоталитарных по своей сути моделей по образцу классической метафизики (что проявляется в массовом распространении сект, в собственно тоталитарных режимах, и т.п.) или отказом от них в пользу темпоральности (пристрастие к продуктам mass-media, от выпусков новостей до сериалов). Темпоральность призвана подключать индивидуальные ритмы в идеологически генерированные потоки мирового «реального времени»⁹, создавая иллюзию причастности полноте времени.

Таким образом, концепция темпоральности – это попытка догнать ускоряющееся время, собрать его с помощью символа «единого потока» и заменить структуры вечности социокультурными техниками, симулирующими организацию времени в культуре.

Однако очевидно, что «*полнота времен*» и *собираение времени* конфликтуют между собой, поскольку хронологическое, *кумулятивное* время препятствует *исполнению* времени. Полнота времени конструируется теперь как эклектичное собирание времени: «постмодерн на исходе XX века снимает проблему отчуждения тем, что снимает саму проблему реальности. Реальность не просто отчуждается, овеществляется или обесмысливается, - она исчезает,.. заменяясь множеством знаково произвольных и относительных картин мира»¹⁰.

В свою очередь, модель вечности претерпевает существенные изменения: с открытием подсознания она переместилась внутрь субъекта, становясь индивидуальным собранием фрагментов различных культурных, религиозных и политических программ, из которых формируется индивидуальный проект жизни. Такая эклектичная референтная область является фундаментом для **виртуальной среды**, формирующейся к концу XX века. *Виртуальная среда* становится *замещением, симулякром* области вечного в современной культуре, будучи вместе с тем производной от темпоральности. Виртуальная среда объединяет¹¹ вечность и время в простейшей синхронизации: одновременности, - которую Л. Леви-Брюль называл способом первобытного мышления о времени¹².

Будучи взятой на вооружение в качестве средства манипуляции, виртуальность становится универсальной средой, вмещающей манипулятивные техники и производящей их. *Виртуальность замещает область Вечности так же, как темпоральность замещает Время* (историю). Задачей идеологии,

пользующейся постмодернистскими техниками и созданной ими культурной средой, становится достижение *иллюзии полноты*, наркотической по своей сути¹³, вместо *полноты времен* в синхронизации. Достигается это прежде всего поглощением времени (взамен преобразования хронологического времени в историческое) с помощью *средств поглощения времени*, которыми являются структуры масс-медиа, сеть Интернет, развлекательные проекты для досуга (игры), технология рейтингов (от социально-политических до музыкальных). При этом данные технологии не остаются нейтральными и безобидными: они не только обеспечивают видимость успешного «собираения» времени, но и становятся агентами культурного и социально-политического контроля.

Таким образом, вечность и ее заменители становятся реальностью, в которой обнаруживает себя европейский человек¹⁴. Постмодернистское общество живет в той вечности, которую оно наследует от классической европейской метафизики, в некоем экстракте жизни и времени, прошедшем смысловую нейтрализацию в виртуальной среде. Классическая метафизика, как гигантская соковыжималка, работающая на энергии *ratio*, поставляла зарезервированное в моделях вечности время, на котором до сих пор возводились проекты всемирной истории и конструировалось будущее. «Теперь время само превратилось в контекст решения любой другой задачи, ограничивая список возможностей ее решения, становясь подавлением другого члена оппозиции, т.е. абсолютного»¹⁵. Поэтому в современной культуре обращение к «симулякрам» вечности – не попытка избежать конкретности времени как истории или перескочить через череду «духов эпохи» в царство абсолютного духа, а стремление наполнить пустоту, создаваемую отсутствием классических структур Вечности.

Таким образом, конструкции темпоральности, «реального времени» и симулякры «структур вечности» можно расценивать как современные идеологические механизмы, которые препятствуют подлинному достижению «полноты времени». В этом состоит определяющее различие между креативной полнотой родового мифа и современной конструируемой мифологией. По этой же причине проблема преобразования накопленного хронологического времени на сегодняшний день решается приданием суррогатам времени иллюзорной креативности «изначального мифа».

Современный человек смотрит на самого себя из этой области суррогатной полноты времени (трансцендентальной области) с помощью фото- и кинокамеры, с помощью рефлексии, психоаналитического отстранения и других защитных механизмов. Европейский человек хочет войти в живую историю, настоящее время, однако постоянно наталкивается лишь на его эрзац – темпоральность, уютное пристанище симуляторов «настоящего времени», поставляемых и поддерживаемых современной идеологией через системы *mass-media*¹⁶. В результате погоня за настоящим, будучи современной формой «колонизации времени», трансформируется в требование ускорения всех культурных, исторических, социальных процессов и в создание технологий ускорения, в которых проявляется стремление к *заполнению вместо полноты*. Все сферы современной жизни подчинены требованию ускорения. В экономике и технике это требование эффективности, экономичности и эргономичности. В информационных системах (речи, письменности) слово, занимающее

минимальное пространство в письменном виде, должно выражать максимальную полноту информации и таким образом выполнять сберегающую функцию в отношении реального и информационного пространства. Пространство сжимается до минимума (в пределе – до виртуального пространства), вмещающего максимум информации, представляющей собой современный эквивалент времени; об этом свидетельствует и то, что технологии сжатия информации являются технологиями ускорения, иначе говоря, ускорения времени.

Ускорение всех процессов становится настолько велико, что следствия событий начинают опережать сами события¹⁷. Одним из отрицательных последствий такого ускорения как раз и является утрата чувства настоящего из-за неукорененности в подлинных переживаниях, непричастности истории: «это самоускоряющееся время лишает настоящее возможности быть пережитым как настоящее и ускользает в будущее»¹⁸. Однако страх перед настоящим у современного человека представляется закономерным следствием развития европейской метафизики, когда модели вечности определяют историю, выступая заменителем настоящего времени.

Итак, современная культурная ситуация характеризуется тем, что ремифологизация времени и вечности на основе симулякров вечности и конструкций темпоральности служит идеологическим фундаментом манипуляционных механизмов, блокирующих доступ современного человека к настоящему времени, заменяя его режимом «реального времени», виртуальной средой и т.п. Достижение «полноты жизни» как полноты времени в модусе Вечности, происходит за счет кумуляции и симуляции времени, т.е. за счет потребления информации, а не за счет со-творения, активного участия во времени. *Результатом этой культурной установки оказывается идеологическое конструирование культуры с использованием механизмов, которые замещают область вечности, одновременно являясь симуляцией темпоральных процессов.*

¹ См: Пригожин И. Переоткрытие времени. // Вопросы философии. 1989. № 8. С.3-19; и др.

² Владимирский Б.М. Хронос и часы (вопросы исследования и моделирования физиологического времени) // Научная мысль Кавказа. 1996. №2

³ Лосев А.Ф. Античная философия истории. С.34. См.также: Элиаде М. Священное и мирское. С.5-16; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976. С.73.

⁴ Молчанов В. Время и сознание. Критика феноменологической философии. С. 103.

⁵ См.: Ямпольская А.В. Ранний Левинас: проблемы времени и субъективности // Вопросы философии. 2002. №1. С. 175.

⁶ Слотердайт П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001. С.31.

⁷ См.: Розеншток-Хюсси О. Временной спектр. С. 428-429; Пигалев А.И. Культура как целостность. С. 344-384.

⁸ Деррида Ж. О грамматологии. М.: «Ad Marginem», 2000.

⁹ См.: Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000. С. 413

¹⁰ Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодерна.

¹¹ О роли и функционировании виртуальной среды в современной культуре см.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000; Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М., 2002.

¹² Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М: Изд-во МГУ, 1980. С. 137.

¹³ О наркомании как иллюзии полноты см.: Подходы к структурному анализу зависимого поведения: «Время опьянения» и Священное Время. // http://www.narkotiki.ru/masterclass_4695.html.

¹⁴ С. Жижек говорит об иллюзии реальности, созданной mass-media и киноиндустрией, называя ее «отпуском от истории» // Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд "Прагматика культуры", 2002. С. 11-39.

¹⁵ Сыров В.Н. Генезис темы времени в западноевропейском философствовании. С. 162.

¹⁶ См.: Слотердаик П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001. С. 342-345.

¹⁷ Валери П. Об искусстве: Сборник. М., 1993. С. 491.

¹⁸ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 323.